

МОСКОВСКИЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ

Эта беседа состоялась незадолго до открытия Московского международного музыкального фестиваля.

Фестиваль — значит праздник. Дни, особенно насыщенные музыкальными событиями, впечатлениями, встречами. Но это еще и работа. Ибо его цель — приблизить искусство к осуществлению главных его задач, к решению актуальных проблем. Проблем развития современной музыкальной мысли. Проблем наших повседневных взаимоотношений с музыкой. Тех проблем, которые так заинтересованно обсуждались в кулуарах фестиваля, между концертами, на пресс-конференциях, в многочисленных импровизированных дискуссиях.

Об этом круге вопросов — беседа с лауреатом Государственных премий СССР, народным артистом СССР, композитором Андреем Петровым.

— Наш век — век фестивалей, их множество в мире. Вот прибавился и наш, Московский. Большинство западных фестивалей современной музыки — это чаще всего смотр авангардистского искусства. Каждый ставит одну цель: найти что-то совсем новое, чем-то поразить. С точки зрения технологии это подчас очень интересно — для профессионала. Но привлечь широкую публику такой фестиваль не в состоянии. Он имеет мало общего с повседневной концертной жизнью, почти на нее не влияет. Ведь далеко не все, над чем ты экспериментируешь у себя в лаборатории, стоит выносить на суд публики. Ей неважно, сколько применено синтезаторов и как гениально расщеплен звук. Слушатели приходят, чтобы взволноваться, растрогаться, задуматься.

В хаотическом музыкальном мире нашего века критерии подчас явно сместились, а мода нередко теснит настоящие ценности. И очень важно вернуться к первооснове музыки — ее реалистическому содержанию, к мелодизму. Опираясь на лучшее из того, что создано в XX веке, признанное, классическое, — подтвердить те основы, на которых музыка только и может плодотворно развиваться. Потому что и Барток с его стремлением продолжить фольклорные традиции в современных формах, и Стравинский, до конца жизни не прекращавший напряженного творческого поиска, и Шостакович, который через сложную форму симфонии выражал идеи, волнующие нас, — все они протягивали в сегодняшний день нити, идущие от Баха, Моцарта, Глинки, Чайковского...

И я думаю, что есть большой смысл в том обращении к золотому фонду музыки XX столетия, которое стало принципом программ первого фестиваля в Москве. Возвращение к основным ценностям никогда не бывает механическим повторением. Каждый раз это новое понимание и новое отношение. Сейчас мировая музыка отходит от авангарда, идет к неоромантизму — это ведь тоже не просто реставрация или стилизация, нет. Это новое качество. И эксперименты авангарда, все интересное, что найдено в наши дни, как-то отразилось в сегодняшних сочинениях.

— По-видимому, и фестиваль в Москве дает новый импульс для дальнейшего развития профессионального музыкального искусства?

— Мы переживаем сейчас очень своеобразный этап. За последние 30—40 лет в музыке накоплено множество новых средств выразительности. Новые ритмика, гармония, приемы оркестровки, новые инструменты и звучания. Поиски средств далеко опередили художественный результат. Придумана масса интересных эффектов, смелых звуковых приемов. Но что сделано при помощи этих средств и приемов? Самое главное сейчас — найти всему этому применение, использовать уже найденное в интересах реалистического искусства.

Потому чисто технологических задач Московский фестиваль не ставит. И так своевременно возвращает музыкальную мысль к ее идейным основам, к образно-эмоциональному богатству, к мелодическим основам. Наконец, к главному ее общественному назначению, сформулированному уже в самом девизе фестиваля: «Музыка — за гуманизм, за мир и дружбу между народами».

— Поговорим о слушателе. Для него фестиваль — празд-

ник, событие. И как каждого событие, привлекает внимание.

— И это тоже важно. Мы во многом растеряли слушателей серьезной музыки. Есть города, где прекрасные концерты, оперные спектакли идут при полупустом зале.

— Значит ли это, что интерес к музыке падает? Ведь с другой стороны, хороши записи сложнейшей музыки, не залеживаются на прилавках, мгновенно исчезают. И в то же время мы говорим об утрате традиции «ходить в концерты».

— Для этого нужно выбрать время, оторваться от каких-то дел. А дома — стереоустановка, по сравнению с которой «живое» звучание кажется строгим и скромным. Дома — телевизор, радио, к твоим услугам лучшие исполнители мира. Чисто бытовая причина, а имеет огромное значение. Я по себе знаю.

Мы можем купить пластинку Рихтера или Ойстраха, Караяна или Мравинского. В концерте часто ли услышишь Мравинского? Три-четыре выступления за сезон — для счастливчиков. Рихтер к нам в Ленинград приезжает дай бог раз в год — и всегда это огромное событие. На пластинке все это доступно каждому. Что может противопоставить этому «рядовой» концерт?

— Прелесть живого исполнения. Вообще, не вмешиваясь ли тут пресловутый феномен престижности? Престиж — попасть на Рихтера. Это праздник. Но куда делась потребность в повседневном средоточенном общении с музыкой? Почувствовать радость непосредственного контакта с исполнителем. Радость сотворчества, которую только в концертном зале можно пережить? Вот это как раз требует абсолютного бескорыстия в отношении к искусству, и нет тут места субъективному желанию «приобщиться» — только желание слушать музыку, погрузиться в нее.

— Да, я знаю, есть люди, которые никогда не ходят в филармонию, но если играет Рихтер — они всеми правдами и неправдами добывают билетик. Такой поверхностный интерес очень редко перерастает в подлинный. Но все-таки не он определяет успех больших исполнителей. Как и провал многих «рядовых» концертов. Тут очень важны качество исполнения, самостоятельность художественного мышления, разнообразие репертуара. У нас ведь не так уж много, скажем, дирижеров по-настоящему высокого класса. Было бы несправедливо ссылаться только на неподготовленность аудитории, — в тех же городах, где пустуют филармонические залы, с успехом проходят выступления сколько-нибудь заметных гастролеров. Но гораздо чаще слушатели встречают уровень обыденный, средний — что же удивляться полупустому залу?

Но есть и другая сторона проблемы. Мы говорим о современной музыке, а современное не бывает без нового. Новое же редко принимается с распростертыми объятиями. Вспомните, как спорили в свое время о Прокофьеве. Слушателей у него было не так уж много, людей, которые понимали, — еще меньше. А он был открыватель, он принес с собой целый новый мир образов, обогатил музыкальный язык. Сегодня он кажется простым и доступным, у него огромная аудитория.

— Но вернемся и «рядовым» концертам. Вы много ездите по стране, сталкиваетесь с исполнителями разного уровня. Были ли случаи, когда вы как автор испытывали от работы с ними настоящую творческую радость?

— Да, и нередко. Есть очень талантливые люди и за пределами столиц — но их слишком мало знают в стране. Грамза-

тины с их тонкими, поэтичными песнями. Актерское пение, очень близкое бардам. Мало кто из профессионалов эстрады может так просто и выразительно преподнести песню, как Алиса Фрейндлих или Андрей Мягков... Это очень разные явления, но все они как раз и образуют многоцветие нашей современной советской песни. И было бы неверно одно противопоставлять другому, что-то канонизировать.

Да, песня переместилась в центр внимания, но это не падение вкусов. Если человек не застрянет на всю жизнь на «Бони М», если будет идти по ступеням от простого к сложному — то это наиболее естественный путь. Музыка едина, в ней множество связей. «Евony concerto» Стравинского написан для джаза Вуди Германа, а в современной рок-музыке появляются принципы симфонического развития, темы философского звучания.

— Показать эти связи, помочь людям подниматься по ступеням — это ли задача радио и телевидения? Серьезный общественный резонанс сейчас невозможен без их активного и творческого участия. Но телевидение, по моему, не всегда умеет найти нужные формы, и от этого пропаганда музыки хоть и обильна, но часто малоэффективна.

— Тут получается парадокс. Казалось бы, симфония Чайковского, звучащая по телевидению, становится доступной миллионам. Чего же еще желать? Но ведь по другой программе идет хоккей, по третьей — детектив. Не знаю, сколько слушателей останется в этом случае у Чайковского. Даже многие из любителей музыки переключаются на детектив. Потому что это зрелище, для телеэкрана более органичное.

Чистая трансляция концерта, по моему, приемлема, только

бежом не покупают. Сам жанр музыкального фильма почти исчез с экранов. Может быть, и здесь одна из причин того, что музыка утрачивает какие-то уже завоеванные позиции массового искусства?

— Поговорим о репертуаре. Ведь от него тоже зависит интерес к спектаклям и концертам. А он часто ограничивается сравнительно небольшой обложкой популярной музыки. Можно купить пластинки Беллини, Доницетти, Вагнера. Раннего и позднего Верди. В театрах этого почти не услышишь. Везде поют «Травиату» и «Риголетто».

— Наш репертуар, действительно, узок. Из симфоний Чайковского исполняются 4-я, 5-я и 6-я. Из Стравинского — «Жар-птица», «Петрушка» и «Весна священная». Из Прокофьева — 5-я и 7-я симфонии, «Ромео и Джульетта»... И круг композиторов-«фаворитов» невелик, и представления о нем в основном немногими расхожими вещами. Есть, конечно, счастливые исключения. Андрей Чистяков со Свердловским симфоническим оркестром в течение сезона исполнил, например, все симфонии Прокофьева, много делает для пропаганды современной музыки. Но чаще действует инерция.

Репертуар оперных театров во многом складывается под влиянием ведущих солистов. И, конечно, каждая меццо-сопрано хочет петь Кармен, каждый тенор — Ленского. И как-то редко вспоминают о существовании иных, не менее благодарных партий. Не всегда понимают, что на свежем материале того же Верди они могли бы выразить себя, не вступая в конкуренцию с многочисленными предшественниками.

В театре важна роль лидера, который определял бы его лицо, формировал репертуар, учитывая интересы в первую очередь искусства. Таким признанным лидером в театре имени Кирова стал Юрий Темирканов, в репертуарной политике которого работа над классикой всегда сочетается со смелыми поисками в области современного музыкального спектакля.

Но театры не могут не считаться и с требованиями публики. Ни в одном жанре нет столько досады, провалов, нет такой обидной атмосферы на треть заполненного зала, как в опере. Это уже вопрос общей музыкальной культуры — зрителя театров.

— И это, по моему, вопрос того отношения к музыке, которое выработалось в нашей технике. Музыка подчас становится своего рода бытовым шумом, постоянным фоном жизни. В передачах «Маяка» иногда кажется, что музыка — лишь средство заполнить паузы между информацией: неизвестно, что звучит и кто исполняет, слушаем в сотый, в тысячный раз одни и те же песни, популярную классику. Не ведет ли это к потребительскому отношению: искусство должно быть привычным, должно поднимать настроение, развлекать и тешить? Коли дерет по нервам — это уже плохо. Если чуть сложнее — нужно просто жаловаться в газету...

— Да, не только музыка несет ответственность перед публикой, но и слушатель — перед музыкой. Иначе невозможно в искусстве никакое развитие.

Ведь музыка — это не только отражение мира. Это, если хотите, и сотворение мира — каждый раз нового. А в новое всегда нелегко войти. Нужно захотеть. Нужно суметь. Вот Шеддин свои «Мертвые души» писал словно бы без оглядки на публику и сложившуюся практику театров: в оркестре нет скрипок, вместо них хор, на сцене — другой хор. И еще ансамбль в народном стиле. Это создает большие трудности для театра. Сложность партий требует особого высокого профессионализма певцов. Опера эта, я думаю, и не рассчитывалась на массового слушателя, и не каждый театр способен ее поставить. Но это на первом этапе. Такие спектакли, прорываясь вперед, постепенно подтягивают до себя общую музыкальную культуру «Мертвые души» помогли оперным труппам по-новому осознать собственные возможности, и аудитория спектаклей растет.

Зачем, казалось бы, эти сложности? Но ведь и мир стал сложнее, и психологию современного человека уже не выразишь сполна языком Пуччини. Многократно усложнились сами художественные задачи, стоящие перед музыкой. Вне развития искусство превращается в музей.

Потому так важно не только следовать запросам аудитории, но — формировать ее. Постоянно повышать ее эстетический уровень. Жизнь выдвигает требования перед искусством, искусство влияет на жизнь. В этом взаимовлиянии основа их отношений, залог прочности и плодотворности их замечательного союза.

...И вот фестиваль уже опустил свои флаги. Позади множество его премьер.

— Андрей Павлович, как вы оцениваете итоги фестиваля?

— Он стал действительно праздником. Событием, отзывом которого мы, я думаю, будем слышать еще долго. Он еще раз напомнил о художественных завоеваниях музыки XX века, заполнил наш активный концертный репертуар, позволил услышать много нового и интересного. Он привлек к музыке внимание миллионов людей. Наконец, он заложил фундамент для нового сближения и сотрудничества прогрессивных музыкальных деятелей всего мира. В этом — его значение для будущего.

Беседа вел В. КИЧИН

СОТВОРЕНИЕ

МИРА

пись, радио и телевидение — я имею в виду всеосозное — их часто не замечают.

Спектакль «Пушкин» был сделан молодым главным дирижером Свердловского оперного театра Евгением Колобовым так увлеченно и талантливо, что я как автор испытывал редкое удовлетворение. Колобов стал там душой еще нескольких интересных спектаклей — в частности, на гастролях в Москве показал превосходного уровня «Силу судьбы» Верди.

Я видел несколько спектаклей «Петр I» — в Свердловске, Одессе и Ташкенте: это очень высокий уровень музыкальной культуры. Так что если случаются здесь проблемы с аудиторией, то поистине оттого, что нет пророка в своем отечестве.

— Когда-то премьеры опер Верди были в Италии огромным общественным событием. Сегодня вся Италия следит за песенным конкурсом в Сан-Ремо приблизительно так, как у нас — за событиями хоккейного чемпионата. Что это, падение вкусов, их упрощение?

— Каждая эпоха выдвигает на первый план какой-то жанр или вид искусства. Было время, в фавориты вышло кино. Сегодня эстрадные «звезды» по своей популярности оставили «звезд» кино далеко позади. Но лишь те, кто обладает яркой индивидуальностью, выраженной личностными свойствами. «Битлз», Элтон Джон или наши «Песняры». Успехом пользуется интересная, по моему, группа «Машина времени». Или Алла Пугачева, явление исключительное по яркости дарования и эмоциональной амплитуде. По самоотдаче, способности сжигать себя на эстраде. Это все исполнители очень самобытные, в них сильно авторское начало.

— Пугачева, «Машина времени» стремятся к содержательности своих песен — потому и интересны. Наверное, это не всегда удается, как в любом искусстве. Но они на виду, ибо невероятно популярны. И суждений о них много, самых противоречивых. Очень важно, мне кажется, избегать в разговоре о таких явлениях безапелляционности, критических приговоров, как иногда бывает. Нужна помощь — добросовестная — в первую очередь. Ведь это люди ярко талантливые...

— Да, безусловно. Залог успешного развития легкой музыки — в свободе от канонов, в жанровом богатстве и разнообразии. Вот совсем иного характера песни — Жанна Бичевская. У нас бывала народная песня, облаченная в некие среднестрадные наряды. А Бичевская открывает истинно старинные песни в их чистом виде. И в то же время их как бы авторизует — в ее исполнении есть современный нерв. Если Пугачева — это экспрессивный театр песни, то Бичевская — погружение в чистый, неприукрашенный фольклор, в его глубину. Вспомним еще Людмилу Сенчину и Эдуарда Хила — прекрасных ленинградских певцов, представителей классической манеры исполнения советских песен. Еще пример: эволюция бардов. Ники-

когда мы имеем дело с событием: играет выдающийся исполнитель, экстрем-класс. В других же случаях — Андроников, когда он вдохновенно рассказывает о Большом зале филармонии, делает для пропаганды музыки больше, чем десять трансляций.

Тут очень велика роль личности. Популярной, уважаемой. У нас были телепередачи: Свиридов рассказывал о Мусоргском, Пахмутова о Моцарте... Комсомолия считает Пахмутову своей, все любит ее песни — и вот она говорит о Моцарте, это интересно, ведь ее вкусам верят, к ней прислушиваются, за ней идут. Но го были случайные передачи. А должна быть именно серия — подобно тому, как в «Очевидном — невероятном» Капица ведет нас через мир науки. Представьте, если бы Образцова рассказывала об опере, о своих любимых партиях, показала бы какие-то записи, познакомила бы с коллегами из Большого, из «Ла Скала»...

— Я вспомнил сейчас телефильм, где снята репетиция у Мравинского. Это было одно из самых увлекательных зрелищ — видеть, как трудно рождалась музыка, как заново создавал ее дирижер. Интересно было следить по телевидению за конкурсом балетов или фестивалем в Сопоте, когда они транслировались полностью. Это событие, и подавать его надо как событие. Можно волноваться, «болеть» за ного-то. Когда ТВ все это передает во фрагментах, теряется ощущение события, соревнования, и интерес сразу падает. Утрачивается знаменитый эффект присутствия, который составляет главную силу ТВ. Эффект соучастия.

— А помните, как итальянское ТВ транслировало спектакль из «Ла Скала»: мы не отключались в антрактах, по-прежнему за кулисами, говорили с исполнителями, с дирижером, с публикой в фойе. Мы очень многое узнали о театре, его атмосфере, его подвижниках. Да и сам спектакль показывали необычно: кадры дирижера и оркестра существовали наравне со сценическим действием. И мы понимали: спектакль музыкальный, музыка — главное его содержание, и солисты, и оркестр, и декорации — лишь части сложного гармонического целого. Передача и смотрелась, и слушалась не пассивно, но осмысленно. Она была профессиональна.

— Мы забыли о кино. Какую огромную популярность обрелись вдруг на «Прелюдии» Листа. Когда вышел фильм «Прелюдия к славе», — помните? Фильмы с участием известных певцов — Тито Гобби, Марио Ланца, Яна Кипуры. Дженнетт Макдональд, Лили Понс — при всех их кинематографических штампах, давали возможность услышать — и сохранить! — образцы действительно прекрасного оперного искусства. И интерес к этим фильмам был массовым. А наша «Музыкальная история» с молодым Сергеем Лемешевым — из этого дела она для формирования интереса к опере, уважения к серьезной, «незавлекательной» музыке! При абсолютной демократичности формы, стиля, жанра фильма, его ориентации на самую массовую аудиторию. Сейчас таких фильмов у нас, увы, не делают и за ру-